

Е. М. УШАКОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Специфической особенностью древнерусского языка было существование несклоняемых прилагательных на -ь. К несклоняемым прилагательным относились: *испълнь*, *различь*, *соугоубь*, *прѣпрость*, *свободь*, *оудобь* (*неоудобь*), *послѣдь* и под. Ф. И. Буслаев относил к их числу и слово *прѣдь*: «... напр., *прѣдь*, в дс. — *прѣдь* не только предлог, но и прилагательное несклоняемое, в смысле „присутствующий“, оттуда *прѣд-ок*»¹. А. Шахматов присоединял к ним слово *ниць*: «... в древнерусском сюда относятся *испълнь* (в Жит. Феод. им. ед. — *испълнь*, вив. ед. — *испълньнѣ*), *ниць* (в Лавр.: *падъ ниць*) и некоторые другие»².

Морфологическую природу несклоняемых прилагательных вследствие их древнего происхождения трудно установить. А. А. Шахматов предполагает, что «быть может, эти прилагательные восходят к древним основам на -i»³. Хотя в древнерусский период прямую генетическую соотносительность несклоняемых прилагательных с конкретными именными основами и формами обнаружить уже нельзя, их именное происхождение не вызывает сомнений (как и многих наречий на -ь: *въспянь*, *послѣдь*, *окръсть* и под.).

Возможно, несклоняемые прилагательные отражают определенный этап в функционировании системы имен прилагательных с определенным соотношением словоформ, например, несклоняемые — *удобь*, *свободь*; именные склоняемые — *удобь* (*удобьнѣ*), *свободьнѣ*; местоименные — *удобный*, *свободный*. Вследствие слабой морфологической оформленности несклоняемых прилагательных (аффикс -ь морфологически мало выразителен) они могли закрепиться в определенной форме (наподобие застывших падежных форм супина и инфинитива). «Формы неизменяемых слов способны закрепляться в некоторых особых случаях, и тогда они уже не подчиняются общим правилам морфологии того языка, к которому они принадлежат»⁴. Изменение парадигматических свойств имен, в частности, форм склонения — широкий процесс в славянских языках, который приводил к закреплению имени в определенной словоформе в силу изменения его синтаксических функций, как это произошло с именными прилагательными. Ср. также процессы адвербиализации и субстантивации имен.

Хотя количество несклоняемых прилагательных в текстах памятников древнерусского языка было ограничено, использовались они довольно регулярно наряду со склоняемыми. Лишенные морфологических признаков прилагательного — форм рода, числа и падежа, несклоняемые прилагательные функционировали в предложении в качестве атрибута (что и отмечается исследователями старославянского и древнерусского языков).

¹ Ф. Б у с л а е в, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 160.

² А. А. Ш а х м а т о в, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 119.

³ Там же, стр. 119.

⁴ А. М е й е, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, Юрьев, 1911, стр. 296.

Функция несогласованного определения являлась для них основной, например: *свобода мужь обученъ же дьсертъ къ латиньскымъ книгамъ* (Усп. сб., л. 109а 12 «свободный муж научен хорошо латинским книгам»); *свѣскри же кмиа различа къ дьортъ* (там же, л. 116а 17 «построил кельи различные во дворе»); рече ей Иисусъ: *встаньга братъ ти · радосъгно саско и соугоуба имѣта цѣльбу* (там же, л. 228а 27 «сказал ей Иисус: воскреснет брат твой, радостное слово и чудесное имя исцеление»); и бѣ покинута га покоръма и свѣршима касъ испѣна манишаскымъ чинъ (там же, л. 104г 14 «повинуюся с покорностью и совершая весь полный монашеский обычай»); и неюдасъ тако ходати пѣтма минути · мимо ходати немъ (Син. пат., л. 126об. «и хотел неудобным путем пройти, когда он (лев. — Е. У.) мимо пойдет»); единъ сынъ отъ трица къ дѣтъ есастѣтъ вожегъто и часкѣчестко, испана челоукъъ по вачелоучѣнню а не прикидѣнемъ но испана богъ по кожегъту а не протѣ челоукъъ (Слово Илар. — «один из троицы в двух естествах — божество и человечность: полный человек в человеческом облике, а не привидение, полный бог в божестве, а не простой человек»)⁵; *вѣдѣкиа . . . порадосаса · яко соугоуба цѣръ [хоташе быти* (Усп. сб., л. 74в 31 «Седекия обрадовался, так как великим цезарем хотел быть»).

Несклоняемые прилагательные использовались в качестве несогласованных определений к субстантивам различных форм рода, числа и падежа: *соугоубъ цѣльбу*, *соугоубъ пришествие*, *соугоубъ грѣхъ*, *неудобъ путьмъ* и под. На сочетаемость их с различными формами имен указывают авторы грамматик старославянского языка: «*испльнь (-ънь)* встречается в Синайской пс. 4 раза в качестве им. п. ед. ч. ж. р., один раз в функции им. п. мн. ч. (91,5)»⁶. В функции несогласованного определения несклоняемые прилагательные приобретали грамматические значения только в зависимости от определяемого существительного, сочетаясь с ним аналитически, с помощью примыкания. По отношению к субстантиву несклоняемые прилагательные могли занимать как постпозитивное, так и препозитивное положение в соответствии с общими принципами употребления атрибута в древнерусском предложении.

Однако синтаксические функции несклоняемых прилагательных этим не ограничивались. Наблюдения над употреблением несклоняемых прилагательных в текстах древнерусских памятников⁷ приводят к выводу о том, что они обладали валентными свойствами склоняемых, могли образовывать адъективные обороты на основе управления, т. е. служить распространяющими определениями: *шъ обзъзаниу испѣна беззаконна* (Усп. сб., л. 221а 19 «о целование, преисполненное беззакония»); *Баше нѣкъто Ѡходанъ чраноризаца · испѣна к'его добра* (Син. пат., л. 171об. «был некто живущий в миру монах, преисполненный всяческих добродетелей»); *цѣльба · кзиши друуга друугоу славъ испѣна соуци* (Усп. сб., л. 132в 6)⁸ и др. Использовались несклоняемые прилагательные и в роли именной части составного сказуемого (со связкой и без нее), например: *яко благодатию га . . . свобода быста цѣръ Ѡ касаконъ свѣарны* (Син. пат., л. 22—22 об.); *испѣна во уста ползави слово се касѣмъ поклоушаниимъ* (Усп. сб., л. 26г 4); *испѣна касъ земна ѡ славы юго* (там же, л. 235 в 12).

⁵ «Слово о законе и благодати митрополита Илариона», в кн.: «Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I», изд. А. В. Горского, М., 1844.

⁶ Н. В а н - В е й к, История старославянского языка, М., 1957, стр. 279.

⁷ «Синайский патерик», под ред. С. И. Коткова, М., 1967; «Успенский сборник XII—XIII вв.», под ред. С. И. Коткова, М., 1971; «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», СПб., 1910; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949, и др.

⁸ Несклоняемое *испльнь* и именное *испльнь* активно используются во всех жанрах древнерусской письменности.

Таким образом, несмотря на морфологическую ущербность и отсутствие связи согласования с субстантивом, несклоняемые прилагательные употреблялись в тех же синтаксических функциях, что и склоняемые. Этот факт свидетельствует о том, что прилагательные, лишённые флексий, а значит и согласования, могли выражать атрибутивную и что неизменяемость слова могла служить в древнерусском языке особым способом выражения признака и предикативных отношений.

При этом следует учесть, что переводчики и авторы древнерусских сочинений использовали эту категорию прилагательных с полным осознанием их морфологических и синтаксических качеств, они учитывали их многозначность, как и соответствующих именных склоняемых прилагательных. Так, в предложении *сучинику дакъ соугоуба дхъ емиги мило/с/га приимъ соугоуба чюдеса сътвори* (Усп. сб., л. 103в 22) четко отграничивается несогласованное определение (*соугоубъ духъ*) от однокоренного согласованного (*соугоуба чюдеса*).

И все же, несмотря на довольно устойчивое положение в системе прилагательных и относительно регулярное использование, несклоняемые прилагательные были оттеснены и к XV в. исчезли из активного употребления в письменных памятниках древнерусского языка. Они оказались в противоречии с некоторыми процессами и тенденциями в развитии древнерусского языка.

Одной из важнейших внутриязыковых тенденций в развитии атрибутивных словосочетаний явилась тенденция к морфологизованному согласованию как главному средству выражения атрибутивных связей в предложении. Отсутствие флексий у прилагательного препятствовало формальному скреплению членов атрибутивных словосочетаний. Вследствие того, что именные и местоименные прилагательные были полнее оформлены аффиксально и интенсивно развивались в древнерусский период, они легко вытеснили несклоняемые прилагательные как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Об этом свидетельствует соотношение однокоренных склоняемых и несклоняемых прилагательных в текстах памятников: так, в Успенском сборнике XII—XIII вв. *свободъ* представлено дважды (лл. 109а 11, 136г 17), *свободѣнь* — один раз (л. 250а 21), а *свободный* — четырежды; *различъ* наблюдается только в трех случаях (лл. 105а 26, 116а 18, 118а 17), а склоняемое *различьнь* — в 17 и *различный* — в 10 случаях. Согласующиеся прилагательные способствовали более прочной позиции определения в предложении, содействовали развитию атрибутивных словосочетаний и замещали редкие формы несклоняемых прилагательных.

Неустойчивость и противоречивость несклоняемых прилагательных усугублялась их омонимией с наречиями на -ь (субстантивного происхождения), которая вызывала затруднения в разграничении атрибутивной и обстоятельственной функции слов на -ь. Например, в предложении *сѧ во прѣдѣжи огаблении соугоуба чарпѣши рану* (Усп. сб., л. 252в 21) слово *соугоубъ* может быть отнесено к существительному *рану* («тяжелую терпел рану»), и к глаголу («тяжело переносил рану»), и даже к причастию («сильно ослабленный»).

То же отмечают авторы грамматик старославянского языка: «...иногда трудно решить, относить ли эту форму к прилагательному или к наречиям, нпр.: *не оудоба еста. . .кннѣти* (Марк., 10, 24, Зограф., Мар.), *выста соугоуба всгъ къ коупѣ и челоуцкъ* (Требн., 67а 20)»⁹. Этим же обстоятельством вызвано замечание А. Вайана: «. . . эти прилагательные на -ь

⁹ Н. В а н - В е й к, указ. соч., стр. 279.

отличаются от наречий на -ь лишь своим употреблением»¹⁰. Если же связь слов на -ь с глаголами ясна, то их наречная природа и обстоятельственная функция выявляется отчетливо: и пада ница прогана прощаниа (Пов. вр. л., л. 121); послѣдѣ же глѣ ми (Син. пат., л. 160 об.), ница падаѣ плакаши са (там же, л. 174 об.) и под.

В силу того, что несклоняемые прилагательные в оригинальных памятниках древнерусской письменности («Слово о полку Игореве», летописи, грамоты) наблюдаются в единичных случаях, следует признать их наследием старославянского языка.

Таким образом, вытеснение несклоняемых прилагательных было закономерным процессом древнерусского синтаксиса. Причина этого вытеснения заключалась в их слабой морфологизации, малочисленности, омонимии с наречиями на -ь, а также в противоречии с тенденцией к установлению прочной, формально выраженной синтаксической связи слов в атрибутивных словосочетаниях. Оказавшись избыточной формой, несклоняемые прилагательные как особая категория исчезли из языка. В современном русском языке они обнаруживаются лишь в единичных реликтовых выражениях типа *особь статья*, *неудобь сказуемое*, *ни снъ пороху*, которые превратились в ходячие архаичные формулы.

Несклоняемые прилагательные — преходящее явление в формировании прилагательного как части речи. Но именно их бывшее существование выявляет те внутриязыковые преобразования в древнерусской морфологической и синтаксической системе, которые в совокупности создают отличия языкового состояния одного периода от другого и обуславливают этапизацию в развитии языка, в данном случае — переход от языка восточнославянской народности к языку великорусской народности. С этой точки зрения вопрос о месте несклоняемых прилагательных и их грамматических признаках приобретает актуальность не только в плане общей характеристики категории прилагательных, но и в плане общего развития грамматической структуры языка.

¹⁰ А. В а й а н, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 204.